

Зима, по мнению Цинь Ся, — это время, когда непременно нужно есть горячий суп.

Возвращаясь домой с рынка, он проходил мимо мясной лавки и случайно наткнулся на превосходное мясо ягненка. Одна из местных гостиниц заказала у мясника целого барана и забрала большую часть туши, а оставшуюся они разложили на прилавке для продажи. Когда Цинь Ся подошел, от мяса еще поднимался пар.

Он взвесил немного мяса из баранины, собираясь дома сварить суп с белой редькой и приготовить к нему лапшу.

Вернувшись домой, поставив сумки, они оба по обычаю направились в главную комнату.

— Дафу!

Первым делом Юй Цзюцюэ, войдя в дом, открыл клетку с соломой, чтобы выпустить Дафу. Солома внутри была слегка испачкана, но птичий помет почти не пахнет, так что убрать его несложно. Цинь Ся добровольно взялся за эту работу: он унес грязную солому на кухню и прямо закинул ее в печь. Когда он вернулся, то увидел, как гусь уже восседает на коленях у Юй Цзюцюэ.

— Ты только потакаешь ему, — с досадой сказал Цинь Ся.

Хотя этот гусь изначально был заведен как питомец, его чрезмерная привязанность ясно давала понять, что с возрастом он не станет менее хлопотным.

Юй Цзюцюэ гладил Дафу по мягкому оперению, а его глаза, изогнутые, как полумесяцы, лучились весельем.

— Все-таки он отличается от обычных здоровых гусят. Дафу растет у нас с тобой буквально на руках, может, он поэтому стал таким понятливым, правда, Дафу?

И вот ведь чудо: как только Юй Цзюцюэ это произнес, Дафу издал несколько «ий-ий» — звуки, похожие на нежное воркование, словно кокетничал.

Цинь Ся протянул руку, чтобы погладить гуся. Дафу явно был не из тех, кто кого-то обделит вниманием, и тут же потерялся о его ладонь.

— Ну и дела, не иначе как разум обрел, — усмехнулся Цинь Ся.

Раньше он бы и подумать не мог, что гусь способен издавать такие звуки.

— Постарайся, — добавил он, — если научишься справлять нужду в одном месте, то когда подрастешь, позволю тебе заходить в дом.

Цинь Ся с видом наставника легонько постучал пальцем по голове гуся.

Как только дома кто-то был, отдохнувший Дафу превращался в настоящего хвостика, то и дело вертясь у ног Цинь Ся или Юй Цзюцюэ. Не раз они едва не наступали на него. В итоге, не выдержав, Юй Цзюцюэ с тяжелым сердцем снова посадил гуся в клетку.

Справившись с этим, он собрал несколько грязных вещей в деревянный таз, поднял его и, обращаясь к Цинь Ся, который как раз был на кухне, сказал:

— Муж, я пойду к реке постирать белье.

Цинь Ся, занятый нарезкой баранины, неодобрительно откликнулся:

— Зачем снова к реке? Вода там такая холодная. Постирай дома, я помогу.

Но Юй Цзюцюэ был непреклонен. Стирка дома расходует много воды, а их двор находился далеко от колодца в переулке. Чтобы наполнить бочку, Цинь Ся вынужден был бегать туда-обратно по несколько раз. А у реки подобных забот не возникало. И вообще, вся округа стирала у реки — так близко, не пойти было бы глупо.

— Я договорился с невесткой Цао, соседкой из дома напротив.

Сказав это, Юй Цзюцюэ услышал, как Цинь Ся перестал возражать.

— Берег у реки скользкий, будь осторожен.

Юй Цзюцюэ кивнул в знак согласия. Выйдя из дома, он действительно увидел Цао Ашуан, которая уже ждала его у ворот.

— Сестрица Шуан, — поприветствовал он ее, и они вместе отправились к реке.

Цао Ашуан, невестка из семьи Вэй, была примерно ровесницей Юй Цзюцюэ, может чуть младше. Поскольку оба они были новыми жильцами в переулке Фужун, после первой совместной стирки у реки они быстро подружились.

Цао Ашуан была миниатюрной и жизнерадостной, она легко ладила с Юй Цзюцюэ. Пройдя немного, Юй Цзюцюэ услышал, как она тихонько спросила:

— Пока я ждала тебя у ворот вашего двора, слышала, как твой муж о чем-то спрашивал тебя. Он не хотел тебя отпускать?

Юй Цзюцюэ слегка замялся, но объяснил:

— Он просто беспокоился, что вода холодная, не хотел, чтобы я шел к реке. Но дома стирать слишком много воды уходит, а я еще с тобой договорился, поэтому он в итоге согласился.

Цао Ашуан, услышав это, лишь покачала головой.

— Вот как! А я подумала, что он накричал на тебя.

Юй Цзюцюэ не знал, смеяться ему или плакать. Цинь Ся даже голоса не повышал, откуда вообще могла взяться такая мысль?

— Почему ты так подумала? — спросил он.

Цао Ашуан смущенно улыбнулась.

— Ой, да просто... — она начала коситься по сторонам, явно стараясь сменить тему. — Ничего, ничего. Пошли быстрее, а то опоздаем, и самые удобные камни у реки уже займут!

Юй Цзюцюэ понял намек и ускорил шаг, догоняя ее.

На кухне Цинь Ся нарезал баранину мелкими кусочками.

Качество хорошего мяса заметно невооруженным глазом. Белые прожилки белоснежные, красное мясо насыщенного цвета — такую свежесть можно встретить только у мяса, забитого недавно. В отличие от мяса из современных холодильников, которое обычно выглядит тусклым и темным. Имея в распоряжении такой продукт, для приготовления вкусного супа с бараниной не требовалось сложных приемов. Если мясо свежее и качественное, излишние манипуляции лишь отвлекут от его природного вкуса.

Например, с этой бараниной Цинь Ся решил пропустить этап бланшировки. Мясо сразу отправилось в холодную воду.

Эти приготовления напомнили ему один разговор с другом. Тот однажды попробовал суп с бараниной, приготовленный Цинь Ся, и пришел в восторг. Он не мог понять, почему у него дома вкус супа совсем другой. Когда Цинь Ся расспросил его о процессе, друг подробно рассказал: сначала мясо вымачивается для удаления крови, затем бланшируется в кипятке. На этом этапе Цинь Ся прервал его и сказал, что ошибка была уже в первом шаге. С таким подходом даже хорошее мясо теряет свои свойства, превращаясь в «мертвое мясо».

Метод Цинь Ся, напротив, можно описать словами: «путь к простоте». Мясо отправлялось в холодную воду, причем воды он наливал ровно столько, чтобы она покрывала мясо на высоту одного пальца.

Как гласит известная кухонная мудрость: «на медленном огне суп прозрачный, на сильном — белый».

Высший сорт супа с бараниной — это густой белый бульон. Поэтому на начальном этапе суп нужно варить на сильном огне, пока вода не начнет бурно кипеть.

Следующий этап был обязательным: снятие пены.

Неопытный человек на этапе снятия пены может выглядеть довольно нелепо: ковыряется ложкой в кастрюле, толком ничего не убирает, а только разбивает пену, из-за чего бульон становится мутным.

Цинь Ся, напротив, действовал уверенно. Пара ловких движений запястьем, и ложка аккуратно собрала всю пену, оставив поверхность бульона кристально чистой.

Далее огонь убавлялся, и можно было немного передохнуть.

Этот суп, как минимум, требовал варки на протяжении часа. Отрегулировав пламя в печи, Цинь Ся переключился на подготовку начинки для крахмальных колбасок, которые понадобятся на следующий день. Когда позже Юй Цзюцюэ вернется с постиранным бельем, они как раз смогут вместе заняться их наполнением.

Однако Цинь Ся даже не догадывался, что в это самое время у реки разгорелся нешуточный спор, и причиной конфликта стало то, что он косвенно касался их семьи.

— Тьфу! — с презрением выплюнул один из геров средних лет, его слова словно гвоздь вонзились в воздух рядом с Юй Цзюцюэ. — Что, вообразил себя кем-то особенным? Сестренка Шуан, послушай нас, пожилых, держись подальше от этого Цзю! Ты же приличная жена, а он... он же тот самый, которого Цинь Ся, этот бездельник и хулиган, купил у работорговца! Кто знает, чем он там раньше занимался? А теперь позорит всю округу!

Причина агрессии была до обидного мелкой: Юй Цзюцюэ с Цао Ашуан пришли к реке рано и заняли два ровных камня для стирки. Подоспевшие позже пожилой гер с двумя приятельницами возмутились, утверждая, что эти камни «всегда» были их.

Юй Цзюцюэ и Цао Ашуан не привыкли к такой наглости и спокойно возразили, напомнив о правиле «кто первым пришел, тот и прав». Но это лишь подлило масла в огонь. Трое недовольных теток завелись как петарды, обрушив на молодых людей поток оскорблений.

Юй Цзюцюэ старался держать себя в руках и приводил разумные аргументы, но с теми, кто не хочет слушать, невозможно договориться.

Цао Ашуан, не выдержав, вмешалась и принялась защищать его, уперев руки в бока. Это лишь спровоцировало новую волну брани, и один из геров в запале выпалил что-то, что больно задело Юй Цзюцюэ.

— Как вы можете так говорить?! — вскричала Цао Ашуан, потрясенная их бесстыдством. Всем известно, что для репутации молодых женщин и геров самое важное — быть безупречным в глазах общества. Но эти слова прозвучали настолько грязно, что они могли раз и навсегда разрушить имя Юй Цзюцюэ.

— Брат А-Цзю, пойдем отсюда! — потянула она его, полный решимости голос дрожал.

Молодость и недостаток жизненного опыта подсказали ей самое простое решение: если невозможно справиться с ними, лучше просто уйти. Продолжать спор значило только подвергнуть Юй Цзюцюэ еще большему риску, если они вздумают сказать что-то еще более мерзкое.

Первая попытка — и ничего.

Вторая — снова безрезультатно.

Цао Ашуан обернулась и увидела, что Юй Цзюцюэ с холодным выражением лица так и не сдвинулся с места.

— Брат А-Цзю... — попыталась она окликнуть его и жестом попросила уйти, но он остался стоять.

Юй Цзюцюэ понял добрые намерения Цао Ашуан, но прятаться он не собирался.

Хотя его прошлое осталось в тумане, и он совершенно не помнил, кем был, он знал одно: он точно не из тех, кого можно пинать и унижать безнаказанно. И уж тем более он не позволит оскорблять Цинь Ся.

Троица перед ним, скорее всего, жила в переулке Фужун давно и, судя по всему, знала Цинь Ся с детства. Их презрение к Цинь Ся, а заодно и к самому Юй Цзюцюэ, было очевидным.

— Сестрица Шуан, оставайся там, не двигайся, — произнес он и, согнувшись, потянулся к своему тазу для стирки.

Тот самый пожилой гер, чья речь отличалась особой грубостью, подумал, что Юй Цзюцюэ все

же решил уйти, уступив место. Он самодовольно шагнул вперед со своим тазом, продолжая издеваться:

— Ну что, умный оказался? Вали отсюда. Если бы я был таким, как ты, которого купили в лавке работяговца, я бы давно повесился, а не вышел замуж за честного человека!

Его голос был полон самоуверенности, он явно наслаждался ситуацией, пока вдруг сзади не раздался испуганный крик женщины. Прежде чем он успел понять, что происходит, все померкло в глазах, а следом раздался громкий удар.

Таз для стирки выпал из его рук, и, взглянув вниз, он оцепенел. Юй Цзюцюэ с такой силой ударил его деревянным стиральным валиком, что таз разлетелся на куски. Повсюду валялись мокрые вещи, а от прочного деревянного таза остались лишь щепки.

Силу удара было сложно переоценить. Пожилой гер побелел, представив, что могло бы случиться, если бы эта палка ударила его по телу.

— Ты что творишь?! Ты хочешь убить меня?! Люди! На помощь! Убийство! — завопил он, но страх парализовал его голос, превращая крик в бессвязные хрипы.

Юй Цзюцюэ, глядя на него холодным взглядом, медленно приближался.

— Ты только что сказал, что мне следовало бы повеситься? — в его голосе слышались ледяные нотки, — Что ж, даже если я повешусь, то перед смертью непременно прихватю с собой болтливого призрака вроде тебя!

Гер отшатнулся, отступая в панике, а вместе с ним отступили и две женщины, что пришли с ним. В их глазах был страх. Отступая к самому краю берега, пожилой гер споткнулся о камень и с грохотом рухнул на землю, с силой ударившись об землю. Две женщины кинулись было помочь ему подняться, но тут же замерли, не решаясь приблизиться.

Глаза Юй Цзюцюэ остались спокойными, холодными, словно в них не отражалась ни одна эмоция.

— Моя жизнь стоит немного, — произнес он тихо, но его слова звучали угрожающе. — Так что надеюсь, в будущем, уважаемые дядюшки и тетюшки, прежде чем открывать рот, вы дважды подумаете, готовы ли вы к последствиям.

Перед лицом человека, у которого, казалось, нечего терять, оппоненты растерялись. Те, кто привык только к словесным нападкам, не осмелились продолжать. Пожилой гер, забыв про свое мокрое белье, позволил женщинам поддерживать себя с обеих сторон. Втроем, неловко и торопливо, они покинули берег и вскоре исчезли за поворотом переулочка.

Юй Цзюцюэ тяжело выдохнул, его плечи опустились, как будто вся злость улетучилась вместе с воздухом. Однако вместо облегчения он ощутил странную слабость. Едва он успел расслабиться, как знакомое головокружение нахлынуло с новой силой.

С глухим стуком деревянная палка выпала из его ослабевших рук, а сам он покачнулся и рухнул вперед, теряя равновесие.

— Брат А-Цзю! — раздался встревоженный крик Цао Ашуан.

*Суп из баранины 羊腩煲

<http://bllate.org/book/13601/1206020>